

ФИЛИП К. ДИК

ДОКТОР СМЕРТЬ,
ИЛИ КАК МЫ СТАЛИ ЖИТЬ ПОСЛЕ БОМБЫ

МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д45

Philip K. Dick
DR. BLOODMONEY

Copyright © 1965 by Ace Books, Inc.,
Copyright renewed 1993
by Laura Coelho, Christopher Dick, and Isa Dick Hackett

Перевод *Андрея Гришина* («Доктор Смерть»)
и *Наталии Холмогоровой* («Послесловие»)

Дизайн *Елены Куликовой*

Дик, Филип К.
Д45 Доктор Смерть / Филип К. Дик ; [перевод
с английского А. В. Гришина]. — Москва : Эксмо,
2026. — 384 с.

ISBN 978-5-04-247562-7

Это история мира, который пытается оправиться от последствий ядерной войны и радиоактивных осадков. Мира, где мутировавшие люди и животные стали привычной частью жизни, а разбросанные по планете выжившие находят утешение в голосе диск-жокея, бесконечно кружащего вокруг Земли на неисправной космической станции.

И где-то среди этих выживших скрывается сам Доктор Смерть — человек, ответственный за произошедшую катастрофу.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-247562-7

© А. Гришин, перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Доктор Смерть,
или Как мы стали жить
после Бомбы

Глава 1

Ранным утром, когда восходящее солнце окрасило все ярким желтым светом, Стюарт Маккончи подметал мостовую перед входом в «Современные телевизоры. Продажа и обслуживание», прислушиваясь к проезжавшим по Шаттак-авеню автомобилям и цоканью шпилек секретарш, спешивших в офисы, ощущая эту суету и прекрасные запахи новой недели, нового времени, которое позволяет хорошему продавцу много чего достичь. Еще он думал о горячей булочке и кофе на второй завтрак — около десяти часов. Он думал, что все потенциальные покупатели, с которыми разговаривал, возможно, придут-таки, чтобы купить то, что он предлагал, и может быть, даже сегодня, и его книга продаж заполнится, как та чаша в Библии. Подметая, он напевал песенку из нового альбома Бадди Греко и думал о том, какво это — быть знаменитым, всемирно известным великим певцом, за возможность увидеть которого люди платят в таких местах, как «Харрах» в Рино или модные дорогие клубы в Лас-Вегасе,

которых он никогда не видел, но о которых так много слышал.

Ему было двадцать шесть лет, и иногда по пятницам поздно вечером он ездил из Беркли по большому десятиполосному шоссе в Сакраменто или, через Сьерры, в Рино, где можно было поиграть в азартные игры и найти девушек; он работал на Джима Фергессона, владельца «Современных телевизоров», получал зарплату плюс процент от продаж и, будучи хорошим продавцом, неплохо зарабатывал. Как бы то ни было, в 1981 году дела шли неплохо. Еще один хороший год, задавшийся с самого начала, на протяжении которого Америка стала сильнее, приросла территориями, и каждый приносил домой больше денег.

— Стюарт, с добрым утром. — Мимо прошел и поздоровался немолодой ювелир. Мистер Кроди направлялся в свой магазинчик на другой стороне Шаттак-авеню.

Открывались все магазины и офисы; перевалило за девять, и появился даже психиатр и специалист по психосоматическим расстройствам доктор Стокстилл с ключом в руке, готовый начать чрезвычайно дорогостоящий прием в стеклянном офисном здании, которое страховая компания выстроила на сверхплановые доходы. Свой заграничный автомобиль доктор Стокстилл припарковал на стоянке; он мог позволить себе ежедневно платить за нее по пять долларов. И почти сразу же прошла и длинноногая (на голову выше своего босса) красавица-секретарша доктора Стокстилла. «И, как

пить дать, — решил Стюарт, глядя на все это и опираясь на метлу, — вот и первый на сегодня псих пробирается к офису доктора».

Мир нынче полон психов, подумал Стюарт. Психиатры деньги лопатой гребут. Если бы мне пришлось посещать психиатра, я пользовался бы только черным ходом. Чтобы никто меня не видел и не ржал надо мною. Он думал: «Может быть, кто-то из них так и поступает, если в офисе Стокстилла есть черный ход. Для самых больных или, вернее (поспешил он поправиться), для тех, кто не желает выставлять себя на всеобщее обозрение, таких, к примеру, у кого просто есть проблемы, скажем, те, кто переживает по поводу полицейской акции на Кубе и которые вовсе не психи, а просто озабоченные».

И он тоже был озабочен, потому что существовала немалая вероятность того, что его призовут на Кубинскую войну, которая опять увязла в горах, несмотря даже на применение новых маленьких противопехотных бомб, которые достают грязных гуков, как бы глубоко те ни закопались. Лично он не винил президента — президент не виноват в том, что китайцы решили соблюдать договор. Дело лишь в том, что вряд ли хоть кто-нибудь вернется домой с войны против грязных гуков, не заполучив вирус костной инфекции. Тридцатилетний ветеран, вернувшийся с войны, похож на какую-нибудь мумию, которая сотню лет сохла под открытым небом... и Стюарту Маккончи трудно было представить себе, что он после всего этого сможет собрать-

ся с силами и продолжить свою карьеру продавца стереотелевизоров.

— Доброе утро, Стю, — услышал он девичий голос и почему-то вздрогнул. Маленькая темноглазая официантка из кондитерской Эди. — С самого утра спишь на ходу? — Она улыбнулась и поспешила дальше.

— Да ничего подобного! — бросил он ей вслед и снова замахал метлой.

На другой стороне улицы скрытный пациент доктора Стокстилла, мужчина в черных тонах — светлокожий, но с черными волосами и глазами, плотно закутанный в большой плащ цвета глубокой ночи, остановился, чтобы закурить сигарету и оглядеться по сторонам. Стюарт разглядел его осунувшееся лицо, вытаращенные глаза и рот, особенно рот с туго натянутыми губами и при этом с обвисшей вокруг них плотью, как будто напряжение в ней давным-давно стерло зубы и челюсть, оставшись вечной печатью на этом несчастном лице, и Стюарт отвел взгляд.

«Так вот как это бывает? — задумался он. — Так, значит, с ума сходят? Вот так разъедает, словно поглощает...» Он не знал что. Время или, возможно, вода; нечто медленное, но никогда не останавливающееся. Он и раньше видел подобное разрушение, наблюдая за приходящими и уходящими пациентами психиатра, но никогда еще оно не было таким сильным, никогда еще не было таким полным.

В помещении «Современных телевизоров» зазвонил телефон, и Стюарт поспешил туда. Ког-

да же он вернулся на улицу, черная фигура исчезла, и день вновь обрел яркость и аромат красоты и опять сделался многообещающим. Стюарт поежился и поднял метлу.

«Я ведь знаю этого человека, — сказал он себе. — То ли фотографию его видел, то ли он в магазин заходил. Значит, или клиент — старый, может быть, даже друг Фергессона, — или какая-то важная шишка».

И он в задумчивости продолжал подметать.

— Чашку кофе? — осведомился доктор Стокстилл у своего пациента. — Или чай, или «коку»? — Он взглянул на маленькую карточку, которую мисс Парселл положила ему на стол. — Мистер Три, — произнес он вслух. — Нет ли у вас связи со знаменитым английским литературным семейством? Айрис Три, Макс Бирбом...¹

Мистер Три сказал с сильным акцентом:

— Вы же знаете, что это не настоящее мое имя. — В его голосе отчетливо слышались раздражение и нетерпение. — Оно пришло мне в голову, когда я разговаривал с вашей помощницей.

Доктор Стокстилл вопросительно взглянул на пациента.

— Меня знает весь мир, — сказал мистер Три. — И мне странно, что вы не узнали меня; вы или ото-

¹ Айрис Три (1897–1968) — английская поэтесса, актриса и фотомодель. Макс Бирбом (1872–1956) — английский писатель, художник-карикатурист, книжный иллюстратор; дядя Айрис Три. (Здесь и далее — прим. переводчика.)

рваны от мира, или еще хуже. — Он пригладил трясущейся рукой длинные черные волосы. — В мире тысячи, даже миллионы людей ненавидят меня и хотели бы уничтожить. Так что, естественно, я принимаю свои меры. Мне пришлось назваться выдуманым именем. — Он прочистил горло и поспешно затянулся сигаретой; он держал сигарету по-европейски, горящим концом в горсть, почти касаясь ладони.

О боже, подумал доктор Стокстилл. Этот человек... я ведь и правда знаю его. Это же Бруно Блутгельд, физик. И он совершенно прав: очень много людей, что здесь, что на Востоке, были бы рады добраться до него, так как помнят ту ошибку, которую он допустил в 1972 году. Ведь расчеты Блутгельда утверждали, что взрыв на большой высоте никому не повредит, на деле же его последствия оказались ужасающими.

— Вы хотите, чтобы я знал, кто вы такой? — спросил доктор Стокстилл. — Или предпочтете остаться мистером Три? Как вам будет угодно; меня устроит и тот, и другой вариант.

— Давайте просто начнем, — хрипло бросил мистер Три.

— Как скажете. — Доктор Стокстилл устроился поудобнее и сделал какие-то пометки авторучкой на листке бумаги, закрепленном на планшете. — Прошу вас.

— Если ты не можешь войти в автобус — знаете, самый обычный автобус, где сидит десяток совершенно незнакомых тебе людей, — значит ли это

что-нибудь? — Мистер Три испытующе смотрел на доктора.

— Может и значить, — сказал Стокстилл.

— Я чувствую, что они пялятся на меня.

— По какой-то конкретной причине?

— Из-за моего безобразного лица, — заявил мистер Три.

Не делая видимых движений, доктор Стокстилл поднял взгляд и внимательно рассмотрел пациента. Он увидел мужчину средних лет, плотного телосложения, с черными волосами и темной щетиной на фоне необычно белой кожи. Он увидел круги от усталости и напряжения под глазами этого человека, а также выражение отчаяния в его глазах. У физика была плохая кожа, он нуждался в стрижке, и все его лицо было искажено внутренним беспокойством... Но «безобразия» не было. Если бы не бросающееся в глаза напряженное выражение, это было бы обычное лицо, не привлекающее внимания в толпе.

— Видите бляшки? — хрипло спросил мистер Три, тыча пальцем в щеку и в подбородок. — Уродливые отметины, отличающие меня от всех остальных?

— Нет, — ответил Стокстилл, воспользовавшись случаем хоть что-то сказать прямо.

— А они есть, — сказал мистер Три. — Они под кожей, естественно. Но люди каким-то образом их видят и пялятся. Я не могу ездить в автобусе, не могу пойти в ресторан или театр. Я не могу посетить оперу, или балет, или симфонический оркестр

в Сан-Франциско или хотя бы пойти в ночной клуб послушать фолк; если я все же войду туда, мне придется сразу же уйти оттуда, потому что на меня будут смотреть. И отпускать замечания.

— Расскажите, какие это замечания.

Мистер Три промолчал.

— Как вы сами заметили, — сказал Стокстилл, — вы знамениты на весь мир, и разве не естественно, что, когда мировая знаменитость входит и садится среди публики, люди начинают шептаться? Разве когда-нибудь бывало иначе? Что касается неоднозначного отношения к вашей работе, о котором вы упомянули... при известном недружелюбии возможны и обидные реплики. Но в глазах публики любой...

— Не в этом дело, — перебил его мистер Три. — К этому я был готов; еще когда я писал статьи и выступал по телевидению, то ожидал чего-то в этом роде. Это мне знакомо. То, о чем я говорю, касается моей глубоко личной жизни. Моих сокровенных мыслей. — Он посмотрел на Стокстилла и сказал: — Они читают мои мысли и в мельчайших подробностях рассказывают мне о моей личной жизни. Они лезут в мои мозги.

«Paranoia sensitiva, — подумал Стокстилл, — хотя, конечно, необходимы тесты... прежде всего Роршаха. Это может быть развитая вялотекущая шизофрения, финальная стадия многолетнего процесса. Или...»

— Есть некоторые, кто более отчетливо видит бляшки на моем лице и читает мои мысли точнее,

чем прочие, — сказал мистер Три. — Я заметил довольно широкий спектр этой способности — некоторые из них едва замечают, а другие, кажется, мгновенно создают гештальт моих отличий, моих стигматов. Например, когда я шел по тротуару к вашему офису, на другой стороне улицы подметал негр... Он прекратил работу и сосредоточился на мне, хотя, конечно, находился слишком далеко и не мог нахамить. Тем не менее он увидел. Я обратил внимание, что это типично для представителей низших классов. В большей степени, чем для образованных или культурных людей.

— Почему бы это... — протянул Стокстилл, делая пометку на листе.

— Думаю, вы сами должны бы знать, если вы разбираетесь в своем деле. Женщина, которая вас рекомендовала, отзывалась о вас как об очень толковом специалисте. — Мистер Три взглянул на него с таким выражением, будто подозревал в полной непрофессиональности.

— Думаю, лучше будет, если вы расскажете мне все с самого начала, — сказал Стокстилл. — Насколько я понимаю, меня рекомендовала Бонни Келлер. Как она поживает? Я не видел ее с апреля, пожалуй... Ее муж отказался от работы в загородной школе, о которой говорил?

— Я пришел не для того, чтобы сплетничать о Джордже и Бонни Келлер, — отрезал мистер Три. — Доктор, я в отчаянном положении. Они могут в любой момент решить, что со мною надо покончить; меня преследуют уже так долго, что... —

Он оборвал фразу. — Бонни считает, что я болен, а я очень уважаю ее. — Сейчас он говорил очень тихо, почти неслышно. — Так что я пообещал ей прийти сюда хотя бы раз.

— Келлеры все так же живут в Вест-Марине?

Мистер Три кивнул.

— Я провожу там лето, — сообщил Стокстилл. — Обожаю парусный спорт и при любой возможности выбираюсь в залив Томалес. Вам случалось ходить под парусом?

— Нет.

— Скажите, пожалуйста, когда вы родились и где.

Мистер Три сказал:

— В Будапеште, в 1934 году.

Доктор Стокстилл умело расспрашивал его, складывая факт за фактом полную биографию пациента. Это было совершенно необходимо: сначала диагноз, а потом, если возможно, лечение. Анализ и соответствующая терапия. Известный всему миру человек, терзаемый иллюзией того, что его разглядывают незнакомцы, — как в этом случае можно будет отделить реальность от этой фантазии? Какую понадобится выстроить систему отсчета, которая позволит отличить одно от другого?

Найти здесь патологию, понял Стокстилл, будет очень легко. Очень легко — и очень соблазнительно. Человек, которого ненавидят... Я отношусь к тем, сказал он себе, на кого жаловался Блутгельд (или, вернее, Три). В конце концов, я тоже элемент общества, элемент цивилизации, тяжело пострадавшей из-за ошибки, допущенной этим челове-

ком в расчетах. Ведь возможно — вполне возможно — из-за самоуверенности этого человека, не пожелавшего признать, что и он способен ошибаться, пострадают и мои дети.

Но дело было не только в этом. Стокстилл уже раньше почувствовал в этом человеке что-то извращенное: он смотрел его интервью по телевизору, слушал его выступления, читал его фанатичные антикоммунистические речи — и у него сложилось впечатление, что Блутгельд питал глубокую ненависть к людям, настолько глубокую и всепроникающую ненависть, что, пожалуй, на каком-то подсознательном уровне хотел допустить свою пресловутую ошибку, эта ненависть заставляла его желать подвергнуть опасности жизни миллионов.

Неудивительно, что директор ФБР Ричард Никсон так энергично выступал против «воинствующих антикоммунистов-любителей в высших научных кругах». Никсон тоже встревожился задолго до трагической ошибки 1972 года. Элементы паранойи, сопровождавшиеся манией не только значимости, но и величия, были вполне ощутимы; Никсон, тонко разбирающийся в людях, заметил их, как и многие другие.

И, судя по всему, оказался прав.

— Я приехал в Америку, — сказал мистер Три, — пытаюсь скрыться от агентов коммунистов, стремившихся убить меня. Но и здесь они не отвязались от меня... как и нацисты, конечно. Те тоже преследовали меня.

— Понимаю, — отозвался Стокстилл, записывая.